

МОЕ УЧАСТИЕ в этом вечере, посвященном семидесятилетнему поколению Надежды Сергеевны Надеждиной, создателя и бессменного руководителя знаменитого ансамбля «Березка», наверное, вызвало чувство недоумения. Признаться, я и сам был порядочно удивлен, когда мне предложили выступить на высоких подмостках зала имени Чайковского со словом о Надеждино, безвременно ушедшей народной (не только по званию) артистке СССР. Почему-то большие, нужные современникам, высокоталантливые люди уходят всегда одновременно, когда мы не успели надышаться, порадоваться их пребыванию среди нас... Ко всему еще выступить мне предстояло после величайшего знатока народного танца Игоря Александровича Моисеева. Было отчетливо смутно и пасть духом. И тут подумалось: ну, откажусь я, никто меня не осудит, но как быть с собственной совестью? Иметь возможность сказать благодарственное слово о выдающемся художнике, подарившем нам столько радости, столько счастливых часов, служившем добру и красоте, и не сделать этого из самолюбивой робости — низко. Ансамбль Надеждиной не только дарил прекрасное зрелище ее согражданам, он затрагивал что-то очень глубокое, сокровенное в душе, пробуждал древнюю память, возвращал к корням, истокам русской гармонии и грации, к изначальным формам народного самовыражения.

Что ж, решил я, доверюсь милости аудитории, которая, бог даст, простит мне мою некомпетентность за искренность и чистоту намерений.

Я начал с одного видения, постигшего меня много лет назад и навсегда соединившегося с тканью моей души. Летом 1947 года я очутился на живописном и пустынном подмосковном озере. В ветлах, окружающих круглый, как копейка, водоем, творилась хлопотливая птичья жизнь, но водное пространство казалось вовсе необитаемым: не плеснет мелкая верховка, не ударит большая рыба в прибрежной тросте, не опустится дикая утка близ бурных ушгов, не булькнет водная курочка, не промелькнет носатый бекас, почти задев воду острым крылом. Однажды под вечер я пришел на это озеро и долго смотрел на плавающий в зеркальной глади закат, как вдруг, неведь откуда, возникли дивные белые существа. Я не сразу узнал в них лебедей. Казалось, их тнули через озеро на незримой, скрытой под водой нити, так бесшумно, плавно, как проплыв. Ни шлоха, ни морщинки на воде, даже у крутой грудины, распадающейся воду, не бурлил хоть крошечный фонтанчик. А вослед за прекрасной белой парой, словно их тень, отброшенная на тугой блекло-опаловый шелк, проплыла пара черных лебедей.

Птицы казались огромными, как корабли. Наверное, то была игра света и теней, игра заката и моего воображения. Я с самого раннего детства, едва очулось сознание, полюбил все живое в мире, а к тому, что из могло вызвать любви (Л. Толстой сокрушался: зачем крысы такие безобразные, их так трудно любить!), испытывал чувство сострадания. Но из всех существ, что входили в круг моей любви, не было для меня ничего прекраснее, драгоценнее лебедей. Сказка о гадком утенке, ставшем дивным лебедем, была неразлучна со мной, я и к Врубелю пришел не через Демона, а через лебедей; и того — с простертым крылом, и несравненной Царевны-лебеди. Как интересно, что воображением ху-

дожника владели два противоположных образа: Демон — сама ночь и Лебедь — утро ясное.

В тот закатный час на озере явление дивных птиц пробудило мою детскую память, вернуло времена, когда я «верил в чудища», вернуло очарованность образами Врубеля, любовь к природе, к ее вечной благодати. Вот когда я по-настоящему пришел с войны, вот когда избылась во мне военная опустошенность и «жизнь заговорила вновь» во всей ее одухотворенности, поэтичности, неисчерпаемой красоте.

А потом минуло еще несколько лет, мы гуляли с матерью по воскресной Москве и увидели афишу большого сборного концерта в Колонном зале Дома Союзов. Сейчас, когда прохожие обнаруживают подобные афиши, они шарахаются от них как черт от ладана, но в ту пору в дневных воскресных концертах не брезговали участвовать лучшие артисты столицы. Мы увидели любимые имена Мартинсона и Абдулова, мхатовского Комиссарова, прекрас-

циальным названием. Но тогда мы ни о чем таком не ведали. Вновь любимый образ лебединой нежности предстал передо мной в совершенной сияющей чистоте, но на сей раз он был сотворен не природой, а искусством, человеческим талантом, вдохновением. Березовая веточка — символ ансамбля — как-то не затронула сознание. Я видел царевен-лебедушек, плывущих так же плавно, без шлоха, так же величаво, как на закатном озере. И душа вновь очунулась в жизнь и трезу.

Стройная, белотелая, молодая

березка — символ девичьей прелесть и нетронутости, но и милое слово «лебедушка» от века обласкивает красоту, грациозную поведку и белизну души в русском языке слово «лебедь», существует и в мужском, и в женском роде. И как я обрадовался, когда в репертуаре ансамбля появился номер, так и называвшийся — «Лебедушка». В конце танца девушки уплывали со сцены, натянув белый наплечный плат рукой, изогнутой наподобие лебединой шеи. Темный перстенок, глубоко

Надежда Сергеевна НАДЕЖДИНА.

СИЛА ЛЕБЕДИНОГО КРЫЛА

Юрий НАГИБИН

ного камерного певца Аркадия Погодина, красавицы-сопраны Таисии Саввы, чудо-жонглера Мещерякова, гуттаперчевого Ивана Байды и его очаровательной партнерши Ады Паратовой. Сколько лет прошло, а я помню почти всех участников рядового по тем временам концерта. И мы с матерью вдруг решили пойти на этот концерт и сразу схватили у барышника два билета.

Концерт был превосходен, но во втором отделении с нами случилось то, о чем в Сицилии говорят: «Расшибло громом». Мы не были завсегдатями эстрады, ни даже сколь-нибудь осведомленными людьми в этой области искусства, и, когда на сцену выплыли — буквально выплыли! — юные красавицы с березовыми веточками в руке, мы как-то оторопели, растерялись, не веря глазам своим, а потом безропотно вручили себя волшебному зрелищу, а когда очнулись, в нас была другая кровь. Ведь сильное, проникающее художественное впечатление обновляет человека, и я уверен, что этому есть медицинское объяснение.

Позже мы узнали, что бывшая балерина Большого театра, хореограф Надежда Надеждина создала русский хоровод — сперва из колхозников Калининской области для участия во Всесоюзном смотре художественной самодельности, затем возобновил этот хоровод силами профессиональных и полупрофессиональных танцовщиц. Маленький ансамбль с огромным успехом выступал в «Эрмитаже», был наречен публикой «Березкой», что и стало его офи-

Выступает ансамбль «Березка».

Фото К. КОКОШКИНА

насаженный на указательный палец, превращал его в клюв.

Говорят, что плывущий шаг Надеждиной высмотрела на севере. Многие в ее хореографии идет от непосредственного и жадного пригляда к русской народной пляске. Еще в раннем детстве, которое она провела на Каме, прикипела Надеждина к сельской пляске, а ведь детские впечатления самые сильные и острые. Выбор шага оказался решающим в судьбе «Березки», сразу выделив ее среди всех ансамблей. Плывущий шаг помог Надеждино раскрыть ту высшую прелесть русской сельской женщины, которая начисто ускользала от внимания творцов разудалых эстрадных плясок. Эстрада буквально содрогалась от дробцов, присядок, прыжков, вихревых кружений, но было во всем этом что-то не настоящее, натужное, стиль «рюсс», а не русская душа и русский народный характер, раскрывающийся с наибольшей полнотой в задумчивой тишине, в долгом, глубоком дыхании. Надежда Сергеевна нашла эту тихую, нежно-величавую русскую красоту и заворочила ею зрителя.

По фольклорной канве Надеждина вышивала собственный узор. Она понимала, что народная пляска в своей истинной сущности может сохраняться лишь на деревенской улице, у завалянки, на околице, на прибитом круге возле чугунного била, где народ собирается на сходку. Если же пляска переносится в концертный зал, то она должна быть соответственно приспособлена для этих искусственных условий, когда над головою потолок, а не звездный шатер. Она перестает быть пляской для себя, а становится пляской для других, стало быть, не изменяя своей глубинной сути, она должна стать зрелищем, театром. Лишь в этом творческом преобразении сохранит фольклор весь тот колоссальный заряд чувств, поэзии, смысла, каким он обладал от века.

Приближая старинные формы к современности и делая это с удивительным художественным тактом при полной внутренней раскованности, Надеждина открыла своим современникам целый мир забытой красоты. Вот оно, вечно женственное России и во всех ипостасях: отроковица, молодка, сударушка. И как далеко это от развязных коленец псевдорусской эстрады забубенности!

Осуществить такую задачу, померещившуюся еще в детские годы, в первой очарованности деревенскими хороводами над полноводной Камой, Надеждина сумела, пройдя большой путь труда и поисков. Она окончила знаменитую ленинградскую балетную школу, несколько лет танцевала на сцене Большого театра, работала балетмейстером в провинции — поближе к народным истокам, «перелопатила» горы литературы, углубилась в русскую историю, сохраняя при этом живое чувство современной жизни.

Прошли годы и годы, прежде чем она добилась своего, и поплыла по сцене стайка лебедушек. Не следует думать, будто с появлением «Березки» в театре «Эрмитаж» весь дальнейший путь Надеждиной — прогулка в белой ладье по молочным рекам в сладких кисельных берегах. Пожалуй, самое трудное лишь начиналось. Понадобился громадный, изнурительный, не щадящий ни себя, ни других труд, чтобы коротенький эстрадный номер стал представлением, а стайка девушек — самостоятельным ансамблем. Попробуй сказать свое, свежее слово после таких мастеров, как

Игорь Моисеев! Но Надеждина и ее выученицы сумели это сделать, и слава их разнеслась по всей русской земле, а там и по всему свету.

Ансамбль расширился, из полупрофессионального стал высокопрофессиональным, теперь сюда принимали лишь окончивших хореографическое училище, да и тех со строгим отбором. Вначале он являл образ женской красоты, достигнув пика, когда хоровод повела статная, радостно красивая, «с улыбочкой взмахом» Мирра Кольцова, но потом естественно включили мужскую группу, чтобы дать образ народа в целом. А это создало новые трудности, побудило к новым напряженным поискам, одарив яркими обретениями, ростом масштаба, но и принося кое-какие потери.

Чудесно было решено одно из первых появлений представительницы сильного пола в девичьем царстве. Юноши, добры молодцы возникали как образы девьей мечты о суженом, каждый был вызван из небытия игрой воображения, томлением сердца и, потрафив мечте, исчезал. Я забыл сказать, что к этому времени ансамбль перестал быть «великим немым», он запел, не превращая песню в самоцель, но помогая ею танцу.

Судьба ансамбля перестала быть делом личного энтузиазма Надеждиной и даже коллективной воодушевленности ее соратников, он понес свое искусство в самые далекие уголки планеты, и широкий мир стал тоже влиять на поведение ансамбля. Карта гастролей «Березки» один к одному соответствует карте мира. Кажется, лишь Антарктиду и Гренландию не освоила «Березка». В перечне экзотических земель, где колыхалась березовая веточка, меня поразило нежное имя: Кюрасао. Где это?.. Но где бы ни находилась эта земля, для нее, как и для других полдневных стран, Россия состоит из снега, меда, и взлетающих на воздух раскоровавшихся казаков в мягких сапожках. Попробуй разубеდი, что это не так! Снега в ансамбле всегда было много, и обыгрывался он бесподобно, теперь появился ярмарочный медведь, а вслед — прыгучий казак, и с ним для меня лично что-то скрывалось в чистой линии, какую наносило «на стекла вечности» искусство ансамбля. Это было не найденное, не вымоленное у неба, не сотворенное в труде и вдохновении, а взятое с рыночного развала эстрадного ширпотреба. Я понимаю, конечно, Кюрасао, Мельбурн, Манила, Коломбо, Лима, но есть и другие хорошие места: Аразамас, Калуга, Иркутск, Петропавловск-Камчатке, Мытищи — лучше ориентироваться на них. А они летящим казаксом сыты по горло...

Вроде бы был не к месту этот разговор на юбилейном вечере. Но ведь ныне ансамбль снова в пути, я имею в виду не в пространственном, а во временном смысле, и не хотелось бы, чтобы летящий казак мешал лебединой стае. Пусть летает у тех, кто не умеет плыть лебедем.

Но, конечно, не уступки чужеродным вкусам определяли почечок Надеждиной. Невозможно перечислить все ее удачи, да ведь они общеизвестны. И чем проще, строже был по форме номер, тем значительнее впечатление. Надеждина и вообще тяготела к лаконизму, лапидарности, что в искусстве является самым тождественным: барочной избыточностью куда легче обмануть, нежели аскетическим классицизмом. И не случайно, хотя и неожиданно, видный французский критик сравнил Надеждину с... Расином. Тот вместе с Корнелем остался во Франции мерилом художественного строгого вкуса. И мне простые хороволы — «Березка», «Лебедушка», «Снежинка» — допоза пышных ярмарок и кустодиев-

ского подобию маслениц при всей их прямой живописности. Из постановочно сложных созданий Надеждиной я люблю «Северное сияние», где девушки возникают из сугробов и, просуществовав несколько мгновений в челоуечем образе, вновь превращаются в снежные бугры, а одна, тоненькая и прозрачная, истает сосулькой.

Народная память навсегда сохраняет благодарность Надеждино за все, что она сделала для русского искусства, для русской культуры и для души каждого из нас. Но лучший памятник Мастеру — ансамбль, который продолжал жить, ведомый ныне любимой ученицей Надежды Сергеевны — народной артисткой РСФСР Миррой Кольцовой.

Я говорил о лебединой нежности. Но у лебедей есть еще одна особенность, рассказ о которой придется поведать с иной птицей, по-своему тоже хорошей — только не всегда! — с нашей русской вороны. Да, она антипод лебеду: ни плановости, ни благородства, в серой с черным невзрачной одежде, сутулая, без шеи, с темным злым взглядом, резким жестяным голосом, агрессивная хищница. Но при этом отдадим должное этому санитару леса и поля, ворона очищает землю от всякой дряни, проделывая полезнейшую работу, и вредна только в пойменных местах, где разоряет утиные гнезда, выпивает яйца, похищает детенышей. В остальных местах она полезна. Что же касается наружности, то ведь это на челоуечий вкус она не хороша, а среди своих?.. Уверен, что у ворон есть и Елены Прекрасные, и Форнарины, и Джинны Лоллобриджиды. Ворона смела, сильна и дерзка. Она выходит победительницей в единоборстве с ястребом-тетеревятником, коршуном, даже молодым соколом. Но с одной птицей не может сладить ворона и старательно избегает сшибки — с лебедем. С нежным, изящным, белотелым лебедем. Как бы ни была голодна ворона, она не кинется на лебединый выводок, если поблизости лебедь-мать, не посягнет на гнездо. Удар прекрасного лебединого крыла так мощен, что убивает наповал серо-черную разбойницу. Я видел однажды, как лебедь трижды взмахнул крылом, и на земле остались три вороньих трупца.

Надежда Надеждина, сама-то лебедь бшая, обладала и ударом лебединого крыла, каким охотилась свою стаю. Если перейти с окольного языка на житейский, то немало жадных, загребущих рук тянулось к ее подопечным. Образ враждебных сил весьма многолик: далеко не самыми опасными были неумные кавалеры, вшившие вокруг прелестных девушек, куда хуже — разные горе-знатоки, которым мнилось, что им лучше ведомо, куда и как вести ансамбль, любители вольного администрирования. Но хватит о серо-черных хищниках — взмах лебединого крыла повергал их ниц, Мирра Кольцова, бывшая заводила в хороводе, первая солистка, ближайшая помощница Надеждиной, глубоко считала заветы своей наставницы, прониклась ее духом...

Уже когда я произносил эту речь, мне стало ясно, что меня не слышат. Все четыре микрофона одновременно вышли из строя. Но я свое беззвучное выступление довел до конца. Испытайте подобное хоть раз в жизни, и вы поймете, чего это стоит...

И вот недавно я обнаружил в записной книжке наброски своего выступления, и мне вдруг захотелось доиграть игру до конца, как говорится, всем смертам назло. Пусть будет почти как у Цветаевой: «Целю Вас через сотни развешенных верст». У меня не «верст», а «лет».

Надежда Сергеевна, простите за опоздание. Я не виноват, что остался нем в зале Чайковского.